

Истоки и перспективы развития Общей теории живого слова в контексте Воронежской педагогической школы*

Origins and prospects for the development of a General Theory of the Living Word in the context of the Voronezh Pedagogical School

Кривотулова Е.В.

Канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (Научный центр РАО), г. Воронеж
e-mail: krivotulova61@bk.ru

Krivotulova E.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Scientific Center of the Russian Academy of Education), Voronezh
e-mail: krivotulova61@bk.ru

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического фонда имени А.А. Хованского, г. Воронеж
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of Historical and Philological Foundation named after A.A. Khovansky, Voronezh
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В статье, посвящённой истории формирования и эволюции региональной научно-педагогической школы, известной как Школа живого слова, рассматриваются теоретические предпосылки её возникновения, связанные с журналом «Филологические записки» (1860–1917), а также – с трудами Ф.И. Бушлаева, И.И. Срезневского и других российских педагогов, но, прежде всего, – с редакторской деятельностью А.А. Хованского, заложившего принцип коллегиальности в решении научных задач. Выделяются ключевые черты школы: эвристический метод обучения, опора на сравнительно-историческое языкознание для этимологической работы («корнесловие») и двуединое понимание метафоры «живое слово» в светской педагогике и церковной гомилетике (труды архиепископа Амвросия Харьковского). Анализируются причины забвения наследия школы в советский период. В заключение обосновывается актуальность переосмысления традиций Школы живого слова в современной науке, а также – разработки Общей теории живого слова (ОТЖС) как интегральной дисциплины, объединяющей философский, богословский, лингвистический и педагогический подходы к изучению феномена живого слова и обладающей значительным потенциалом для обеспечения технологического суверенитета РФ в области ИИ.

Ключевые слова: Школа живого слова, Воронежская педагогическая школа, «Филологические записки», эвристика, объяснительное чтение, сравнительно-историческое языкознание, гомилетика, Общая теория живого слова (ОТЖС), интегральная дисциплина.

Abstract

The article is devoted to the history of the formation and evolution of the Voronezh scientific-pedagogical school, known as the School of the Living Word, which originated in the pages of the journal "Philological Notes" (1860–1917). The theoretical prerequisites for its emergence are examined, linked to the works of F.I. Buslaev, I.I. Sreznevsky, and the editorial activity of A.A. Khovansky, who established the principle of collegiality in solving scientific problems. The key features of the school are highlighted: the heuristic method of teaching, reliance on comparative-historical linguistics for etymological work ("root-word study"), and the dual understanding of the "living word" metaphor in secular pedagogy and church homiletics (the works of Archbishop Amvrosy of Kharkov). The reasons for the oblivion of the school's heritage during the Soviet period are analyzed. In conclusion, the relevance of rethinking the traditions of the School of the Living Word in modern science is substantiated, which has led to the development of a General Theory of the Living Word (GTLW) as an integrative discipline. This discipline combines philosophical, theological, linguistic, and pedagogical approaches to the study of the living word phenomenon and possesses significant potential for providing the humanitarian component of technological sovereignty.

Keywords: School of the Living Word, Voronezh Pedagogical School, "Philological Notes", heuristic, explanatory reading, comparative-historical linguistics, homiletics, living word, General Theory of the Living Word (GTLW), integrative discipline.

С наступлением нового тысячелетия, когда в отечественной научной сфере сложились условия для переосмысления педагогических традиций, ориентированных на духовно-нравственные ценности, региональное филологическое наследие вновь вернулось в исследовательское поле. Это стало предпосылкой для разработок, объединяющих философский, богословский, педагогический и языковедческий аспекты в Общую теорию живого слова (ОТЖС), формируемую как интегральную дисциплину.

Однако корни этой теории уходят глубоко в историю отечественной педагогики, а именно – в традиции *Воронежской научно-педагогической школы*, которую у нас принято именовать *Школой живого слова*. Эта традиция берет свои начала на страницах журнала «Филологические записки» (ФЗ), подобно тому, как и русская педагогическая мысль в целом имеет одним из ключевых своих источников преподавание родного языка – предмета, играющего важнейшую роль в развитии учащейся молодежи [39].

Фундаментом южнороссийской региональной традиции послужила эвристическая методика, составленная А.В. Барсовым на страницах воронежского журнала и носящая развернутое заглавие: «Живое слово для изучения родного языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам в связи с логикой, грамматикой и словесностью, для всестороннего развития и воспитания учащихся». Теоретическими предпосылками для её создания стали труды академика Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1844) [10] и академика И.И. Срезневского «Педагогические беседы» (1859) [1], а также целевая установка редактора-издателя «Филологических записок» А.А. Хованского. Уже в первом номере журнала (1860) он призвал всё отечественное педагогическое сообщество к созданию *хорошего учебника* словесности общими усилиями – *viribus unitis*, обозначив тем самым характерную черту будущей школы – коллективный подход к решению научных задач под девизом: «Ум хорошо, а два лучше, сто голов – сто умов» [36]. Со временем к разработке этой методики подключились и другие известные педагоги: В.П. Шереметевский, Н.Ф. Бунаков, К.В. Ельницкий [13], А.П. Флёров [32] и т.д. Этот учебник стал развитием методики *объяснительного чтения*, одним из основоположников которой в XIX в. был признан академик Ф.И. Буслаев [14; 37]. Так коллегиальный подход стал отличительной чертой школы, получившей наименование *Школы живого слова*.

Уже в дебютных номерах журнала, охарактеризованного его редактором как живой орган, была сформулирована целеполагающая установка – научить школьников владеть родным русским языком – живым литературным словом, а также – представлены конкретные

методические разработки, касающиеся становления личности учащегося в его поступательном движении к самостоятельному, зрелому критическому мышлению. На этой почве региональная школа обрела классические черты, что, в первую очередь, относится к *эвристическому приему* в преподавании родного языка посредством объяснительного чтения. Данная особенность была специально отмечена в статье В.П. Шереметевского «Слово в защиту живого слова» [40], где автор сопоставил схожие приемы живой воспитывающей методики с таким видом диалектической беседы, как *сократический диалог*, или *майевтика*, – ключевыми классическими техниками в деле *психологии*, т.е. воспитания человеческой души [28]. Одним из ведущих направлений в этой работе автор полагал приобщение учащихся к занятиям «корнесловием», или «этимологическую работу», опирающуюся на данные компаративистики [41]. При этом необходимо подчеркнуть, что, по замыслу составителя методики А.В. Барсова, эти разработки (в которых на первый план выдвигались чтение и декламация, на второй – критический разбор, на третий – грамматический разбор, а на четвертое – самостоятельные сочинения) должны были стать фундаментом для построения общей Методики русского языка как единого целого, охватывающей всю образовательную траекторию. Это можно рассматривать как веху на пути развития отечественной педагогической мысли и ее теории, а именно – как переход от грамматического изучения языка к живой научной мысли, к живому литературному слову, способному пробуждать интерес в душах учащихся и овладевать их вниманием [3]. Такая кросс-темпоральная и кросс-культурная преемственность позволила не только разграничивать разные виды риторики – *живая* (эвристика, истинная диалектика) и *мертвая* (эристика, софистика), но и дала основания именовать *Школу живого слова* в классическом духе – *русской пайдейей*. Именно эвристический прием стал другой отличительной чертой *Воронежской педагогической школы* (ВПШ), вклад в формирование которой внес ещё один выдающийся российский педагог, происходивший из духовного сословия, П.Ф. Каптерев, со своей статьей «Эвристическая форма обучения в народной школе» 1874 г. [20].

Одним из ключевых направлений «Филологических записок» как живого органа стала координация различных направлений в теории родного языка, обозначенных в первом номере журнала в статье В.А. Половцева «Три направления в теории родного языка» (1860). К ним относились: направление *ученое*, проявляющееся в нескончаемых углублениях, расширениях и уточнениях в грамматике; *училищное*, довольствовавшееся по большей части сокращением ученых грамматик; и *учебное*, пролагающее себе путь не столько в училища, сколько в народ, и требующее, по мнению автора, упрощения и в практическом преподавании [29]. В этом отношении редактор журнала видел свою задачу в том, чтобы соединить новейшие научные достижения в языкознании с практикой преподавания родного языка в средней школе, иначе говоря – кафедральную науку со школьным обучением.

Еще одной характерной чертой школы стало определение этимологии слов посредством сравнительно-исторического метода – новейшего направления в языкознании XIX в., определившего место русского языка в славянской группе индоевропейской семьи и установившего истоки русского корнесловия. В журнале Хованского публиковались переводы трудов лучших европейских лингвистов (например, «Организм языка» К. Беккера, «Наука о языке» М. Мюллера, «Сравнительная грамматика» А. Шлейхера, «Система языковедения» К. Гейзе, «О происхождении языка» Э. Ренана, основательного труда «Сравнительное языкознание» ак. А.А. Котляревского и мн.др.). Надо заметить, что до начала деятельности Хованского на русский язык были переведены лишь четыре труда европейских лингвистов (В. фон Гумбольдта, предисловие к книге «О языке острова Кави»; статьи Х. Штейнталя, опубликованные П.С. Билярским в «Известиях» Академии наук; лекции М. Мюллера в «Библиотеке для чтения» и «Теория Дарвина в применении к науке о языке» А. Шлейхера) [30]. Позднее, эта ориентация на сравнительно-историческое языкознание сыграла с наследием «Филологических записок» злую шутку – в связи с началом в отечественной науке «марксистского периода», заклеившего компаративистику как «буржуазное учение», результатом чего стало едва ли не тотальное табу на упоминание языковедческих и педагогических достижений значительного числа авторов журнала.

Это, в свою очередь, привело почти к полному забвению факта существования в истории отечественной науки и самого издания, и понятия *Школа живого слова*.

Важно отметить, что Воронежская педагогическая школа сформировалась благодаря деятельности представителя духовного сословия А.А. Хованского, полагавшего церковнославянский язык основой обучения и предпосылками преподавания в условиях русско-церковнославянского двуязычия, что в XIX в. считалось общепринятым [10]. Еще одним представителем священного сословия, внесшим вклад в оформление этой южнороссийской педагогической и риторической традиции (Воронеж до открытия университета (1918) входил в Харьковский университетский округ), стал архиепископ Амвросий Харьковский, автор пособия по гомилетике «Живое слово». В лекциях 1883-1884 гг., читанных с кафедры Московской духовной академии, он впервые высказал мысль о необходимости разработки теории живого слова и основания специальных кафедр, замечая с иронией, что это предложение «будет принято так же, как триста лет назад было бы принято желание учредить университеты, клиники, обсерватории, консерватории и пр.» [2: 11].

На этой почве возникло двуединое понимание базовой метафоры живое слово: с одной стороны, как светской методики обучения живому литературному слову в школе, с другой – как методики обучения импровизированной речи проповедника. Таким образом, если в светской педагогике и филологии *фундаментальная метафора* [24] живое слово означала методику практического внедрения теоретических разработок в образовательный и воспитательный процесс, то в гомилетике цель разработки теории живого слова заключалась в создании системы практических рекомендаций для всех, имеющих практику публичных выступлений.

С сожалением приходится констатировать, что в советские годы эта традиция была исключена из научно-исследовательской базы по ряду причин: во-первых, она полагала в основу русской литературы святоотеческое наследие [33; 27] и церковнославянский язык; во-вторых, ориентировалась на христианские духовно-нравственные нормы; в-третьих, использовала сравнительно-исторический метод, признанный «буржуазным учением»; в-четвертых, опиралась на эвристику, изучение истоков которой могло разоблачить марксистские манипуляции в языкознании. Свидетельством тому служит выпуск «Известий АПН РСФСР» за 1950 г., посвященный методике объяснительного чтения, где нет упоминаний ни о журнальной школе, ни об эвристике [19].

В первые десятилетия XX в. живое слово стало источником вдохновения для прямых последователей гумбольдтианско-поттебнианской теории языка – русских поэтов-символистов, таких как А. Блок, Н. Гумилев, О. Мандельштам, В. Брюсов, В. Иванов, К. Сюннерберг; но, пожалуй, в самой значительной мере – для А. Белого, посвятившему наследию лингвистов статьи «Мысль и язык (философия языка А.А. Поттебни)» и «Магия слов», где живому слову поэт уделяет особое внимание, противопоставляя его «слову-термину» и отмечая, что «жизненные» процессы в них идут в противоположных направлениях: «Слово термин – прекрасный и мертвый кристалл, образованный благодаря завершившемуся процессу разложения живого слова. Живое слово (слово-плоть) – цветущий организм» [6]. Символисты отстаивали идею «живого» языка и «живой» речи, «живого» слова в противовес слову «мертвому» [26]. Для А. Белого эта метафора в противоположность мертвому термину: «выражение сокровенной сущности моей природы; и поскольку моя природа есть природа вообще, слово есть выражение сокровеннейших тайн природы» [6].

Однако ещё раньше символистов-акмеистов, в самом начале века, к «живому слову» в агитационном ключе обратился В.И. Ленин в своем программном труде «Что делать?» (1902), где связал базовую метафору с революционной агитацией и необходимостью воспитания соответствующих кадров [23]. Следуя этому призыву, в первые революционные годы, в связи с преобразованиями российского общества в целом и науки в частности, интерес к этой метафоре получил новый импульс в стенах Института живого слова (ИЖС), учрежденного в Петрограде в 1918 г.

В целом, в недолгой истории ИЖС можно выделить два основных периода, первый из которых был связан с: 1) привлечением специалистов широкого диапазона, начиная с психофизиологии и медицины и заканчивая гуманитарными науками, включая те, что были связаны со словесным искусством; 2) поиском общих оснований для междисциплинарных проектов (одним из таких общих оснований стало изучение мелодии речи, точнее, изучение интонации художественной речи под углом музыкального подхода) [5]. *Первый период* отметился попыткой соединить научные подходы с опытом, накопленным современным театром, наработками педагогов театральных школ и студий и т.д., тогда как *второй период* (1921-23), отличался от первого тем, что изучение звучащей литературы начало осознаваться (как минимум, частью сотрудников института) как самостоятельная область исследований. Именно словесное отделение, созданное весной 1919 г., стало определяющим в поисках нового направления научной и практической работы ИЖС. Фактически *словесное (научное) отделение* в эти годы противопоставило себя *театральному (художественному)*, а его сотрудники предложили реформу во всех сферах работы института, включая преподавание и научную работу [18]. С этими переменами связано разделение близких по смыслу, но лишь отчасти синонимичных терминов – живое слово, и звучащая художественная речь:

- *если* живое слово стремилось объять значительное число разных сфер, включая политическую речь (митинговая речь, устная агитация и т.д.), устный фольклор, обращаясь разом к символизму, словарю В.И. Даля, библейской традиции, а также к работам актера, педагога, теоретика декламации и автора книги «Музыка живого слова» Ю. Озаровского,

- *то* понятие звучащая художественная речь, появившееся благодаря творчеству С.И. Бернштейна [7], было сфокусировано на устных формах существования художественной литературы, или на теории декламации (звучащего стиха) как новой искусствоведческой дисциплины [8].

Тогда в среде сторонников словесного научного направления стали также появляться мысли о разработке теории живого слова; программу курса лекций «Общее введение в теорию живого слова» должен был читать Л.В. Щерба, но материалы к этим лекциям не сохранились и об их содержании можно судить лишь по аннотации в программе. Однако создать полноценную «теорию живого слова» Л.В. Щербе так и не довелось (как и «теорию звучащей художественной речи» С.И. Бернштейну). Все эти начинания, включая институтскую деятельность Л.П. Якубинского и К.А. Сюннерберга, направленную на развитие теории ораторской речи, остались в российской науке без продолжения и более с тех пор никем не предпринимались [8]. После 1930-х Бернштейн почти не имел возможности высказываться в духе прежних своих исследовательских интересов, большая часть его произведений осталась неопубликованной, в частности «Задачи и методы теории звучащей речи». В итоге, как отмечают исследователи, под влиянием директора В.Н. Всеволодского-Гернгросса деятельность Института постепенно свелась к узкой задаче развития актерской речи и вскоре вовсе была прекращена [5]. Таким образом, революционные события нарушили естественное развитие традиции, что привело к отрыву исследований от своих настоящих истоков и потому – к потере жизнедеятельной подпитки и как итог – к увяданию на долгие годы.

Прорывной шаг к развитию теоретического осмысления природы живого слова был сделан более полувека спустя профессором Тверского университета А.А. Залевской в рамках разработки психолингвистической интерфейсной теории, где контекстуальное содержание метафоры раскрывается через понимание *внутренней* и *внешней* форм слова [25], а сама метафора служит одним из ключевых объяснительных инструментов и является «живой», поскольку включена в индивидуальную когнитивно-аффективную систему знаний и переживаний человека [16].

Залевская выделяет две ипостаси живого слова (в связи с его двойной онтологией), благодаря которым достигается взаимопонимание между носителями разных языков и культур. Одна ипостась обращена к социуму, а другая – к продуктам переработки индивидом вербального и невербального опыта познания и общения: «а) обращённая к социуму ипостась значения обеспечивает саму возможность взаимопонимания при общении

(т.е. «разделяемое знание»); б) обращённая к и н д и в и д у ипостась значения «высвечивает» в голограмме образа мира индивида некоторый объект во всем богатстве его признаков, связей, отношений, выводных знаний, учитываемых на разных уровнях осознаваемости» [16]. Примечательно, что, прибегая в описании сущности живого слова к метафорическому заимствованию такого церковнославянского понятия, как и п о с т а с ь , А.А. Залевская оставляет в стороне собственно церковнославянскую соборную и п о с т а с ь ж и в о г о с л о в а , т.е. третью, исполненную Духом, содержание которой также имеет значение в достижении взаимопонимания между носителями разных языков и прежде всего христианских культур.

Характерно, что в связи с развитием в русской филологии представлений о ж и в о м с л о в е , касающихся *внешней* и *внутренней* форм, Залевская ставит в последовательный ряд имена ученых, начиная с А.А. Потебни, в частности его фундаментальный труд «Мысль и язык» (1862), и далее – И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, Н.В. Крушевского и Л.В. Щербы [15], оставляя в стороне не только наследие школы «Филологических записок», но мысли М.М. Бахтина, выделявшего в связи с живым словом: а) *в плане содержания* – «церковнославянскую форму слова», которая, становясь характеристикой конкретной ценности, придает содержанию большую значительность, то есть относится не к лингвистической форме, а к её ценностному значению или, как сказала бы психологическая эстетика, к соответствующему этой форме эмоционально-волевому моменту; б) *в плане коммуникации* – диалогическую сущность слова вообще и особенно живого: «Слово, живое слово, неразрывно связанное с диалогическим общением, по природе своей хочет быть услышанным и ответным» [4].

Показательно в отношении забвения вклада журнала А.А. Хованского в отечественную филологию и педагогику, что в своё время во вступительной речи на открытии ИЖС В.Н. Всеволодский-Гернгросс неоднократно подчеркивал, что, хотя «живое слово играет исключительно важную роль, <...> в нашей стране, до настоящего времени, оно было в полном забвении» [17]. Это утверждение теперь вызывает некоторое недоумение, поскольку к 1918 г. методика «Живое слово», целенаправленно разработанная на страницах журнала А.А. Хованского, пережила уже несколько изданий [35]. В этом отношении следует обратить внимание и на тот факт, что в настоящий момент в научно-филологическом сообществе считается общепринятым, что именно с трудом А.А. Потебни «Мысль и язык» (1862) связаны первые мысли о необходимости различия *внутренней* и *внешней* сторон слова в связи с базовой метафорой ж и в о е с л о в о , а также «с человеческой способностью не только мыслить, но и чувствовать» [31]. Между тем, исторической справедливости и точности ради, необходимо напомнить, что именно об этом шла речь в первых (так сказать, учредительных) номерах «Филологических записок» (1860-1861), в частности – в статье В. Студенецкого «Отношение слова к мысли», где уже тогда отмечается, что, хотя вопрос об отношениях *внутренней* и *внешней* форм слова не считается новым в науке, «дальнейшее развитие его, может быть, и приведет к каким-нибудь благотворным выводам» [31].

В начале XXI в. на проблемы в развитии исследований в этой области обратили внимание зарубежные лингвисты. В 2010 г. в монографии «Звучащее слово. Заметки по теории и истории декламационного искусства в России» профессор Цюрихского университета П. Бранг представил ж и в о е с л о в о как *декламационное искусство* [8]. Согласно выводам швейцарского исследователя, выражающего, по его словам, «взгляд со стороны», история развития представлений об этой метафоре в русской филологии также начинается в связи с творчеством А.А. Потебни. Того же, примерно, мнения о библиографии вопроса (в связи с разработкой т е о р и и о я з ы к е) придерживается и британский исследователь, профессор Шеффилдского университета К. Брендист в своей монографии «Политика и теория языка в СССР 1917–1938 гг.» (2011), а также в статье «”Живое слово”, Isegoria and the politics of deliberation in revolutionary Russia» (2016) [42]. В другой статье, посвященной деятельности К. Сюннерберга, британский ученый отмечает необходимость изучения работ (акцентируя внимание на начальном советском периоде), посвященных живому слову и публичной речи, главным образом потому, что «оно необходимо для правильного и полного понимания всей истории развития человеческой мысли» и что их

«глубокое изучение поможет найти оптимальный подход к исследованию чрезвычайно важных общественных явлений» [9]. В целом же, европейские исследователи сетуют на отсутствие целенаправленных «исторических исследований различных форм обучения художественному чтению в России, всей педагогической работы в этой области в средней и высшей школе и средствах массовой коммуникации, хотя такое исследование могло бы вызвать живейший интерес в современном обществе досуга» [8].

Таким образом, в изучении библиографической стороны вопроса обнаруживается проблема, обусловленная забвением значительной и значимой части российской филологической, педагогической и богословской школы в самом широком смысле; по существу, оставляющая вне исследовательского поля всю южнороссийскую традицию XIX в.: и разработанную на страницах «Филологических записок» методику «Живое слово», и одноименное пособие по гомилетике архиепископа Амвросия Харьковского.

Однако в новейших исторических условиях наследие *Школы живого слова* стало основой для разработки *Общей теории живого слова* как интегральной дисциплины, со своими: *единым объектом исследования* – живое слово как целостный феномен; *специфической методологией* – интегративный синтез; *собственным понятийным аппаратом* (метаязыком), а также и *собственным критерием научности* – способностью решать комплексные проблемы.

Характерный для ОТЖС *единый объект исследования* выходит за рамки существующих дисциплин. Если при традиционном подходе каждая дисциплина изучает слово в своем срезе: лингвистика – систему языка (психолингвистика – процессы порождения и восприятия речи и т.п.), риторика – искусство убеждения, педагогика – методы обучения, философия/богословие – онтологию и аксиологию слова, то в ОТЖС её объектом выступает живое слово как целостный феномен, рассматриваемый одновременно как: смысловое событие (философия); сила, преображающая сознание и душу (богословие, психология); структурированный текст/речь/дискурс (лингвистика); инструмент воспитания и обучения (педагогика); своевременный речевой акт / действие (прагматика). Такой объект не может быть сведен к предмету ни одной из перечисленных наук по отдельности.

Специфический характер методологии ОТЖС заключается в интегративном синтезе, который состоит не в применении методов разных наук по очереди, а в их синхронном использовании для анализа одного и того же явления. Например, анализ выступления политика может включать: а) аксиологический анализ (система продвигаемых ценностей); б) прагматический анализ (цели, интенции); в) лингвистический анализ (структура, метафоры); г) психолингвистический анализ (потенциальное воздействие на аудиторию: конструктивное/деструктивное); д) этическую экспертизу (соответствие критериям «живого слова»). При этом все вышеперечисленные анализы проводятся не изолированно, а в едином методологическом ключе, заданном общей теорией.

Интегративный каркас ОТЖС можно представить следующим образом:

<i>Уровень</i>	<i>Ключевые вопросы</i>	<i>Дисциплины</i>
Онтологический	Как живое слово существует? Как связывает человека с бытием?	Философия, богословие
Лингвистический	Как устроено живое слово в речи? Как выражает смысл и волю?	Лингвистика, психолингвистика
Педагогический	Как научить живому слову? Как слово формирует личность?	Педагогика, психология развития
Социальный	Как слово действует в обществе? Как создаёт диалог или конфликт?	Социолингвистика, прагматика
Цифровой	Как живое слово действует в цифровой среде? Как его сохранить?	Digital humanities, медиатеория

Рис. 1. Интегративный каркас *Общей теории живого слова*

В целом же, интегративный формат ОТЖС будет способствовать и формированию *собственного понятийного аппарата (метаязыка)*, который не станет лишь заимствовать термины из других наук, а сможет выработать новые или переосмысленные понятия, способные адекватно описывать её сложный объект. Например: «диалогическая или коммуникативная синергия» (синтез педагогической антропологии К.Д. Ушинского, диалогизма М.М. Бахтина [4], установки на «лицо другого» А.А. Ухтомского [34], синергичной антропологии С.С. Хоружего [38]); «коммуникативная экология» (синтез экологического подхода, этики и анализа дискурса); «синергично-волевой акт» (углубление теории речевых актов за счет ценностного и антропологического измерения); «деструдо» и «конструдо» (дифференцирующие маркеры амбитендентного характера речевых актов, служащие для разметки данных и дообучения алгоритмов ИИ); «парресийно-кайротическое структурирование» (искусство выбирать «правильный момент» для высказывания) [28]; «концентный тип сознания» (осознанная способность видеть в объективном противоречии не столько основания для борьбы и конфликта, сколько потенциал для развития в творческом взаимодействии) и т.п.

При этом *атрибуты* живого слова, выведенные из других контекстов (диалогичность, целостность, обращенность), получают глубинное энергетическое обоснование: а) его *диалогичность* проявляет симбиотический «закон взаимопомощи», служащий живознающим энергетическим источником для установления и укрепления связей [21]; б) его *целостность* (единство-во-множестве внешней, внутренней и соборной форм) представляет собой результат синтезирующей и связующей работы *конструдо*; в) его *синергичность* – способность к синтезу природных и сверхприродных энергий в регуляции деятельности человека; г) его *порождающий характер* – способность активировать разнообразные творческие активности, творческое вдохновение; д) его *преображающий характер* как перевод энергии кризиса в энергию изменения иерархии ценностей (*метанойя*); е) его *своевременность* как необходимое условие правильного применения энергии психогического воздействия и т.п.

Критерием научности ОТЖС выступает её способность решать комплексные практические задачи, недоступные ни одной из дисциплин в отдельности. Например, разработка этических стандартов для ИИ, где лингвистика обеспечивает анализ формы, философия – ценностные основания, а психология – данные об эмоциональном воздействии, что делает реалистичным создание диагностического инструмента ОТЖС для оценки, скажем, школьного климата, где педагогические наблюдения сочетаются с лингвистическим анализом речи учителей и социометрическими данными, что позволит решать проблемы буллинга и экологии речи. В этом заключается не только академическая, но и острая социальная значимость ОТЖС в эпоху глубинных коммуникативных кризисов.

Главное отличие ОТЖС от *междисциплинарных исследований* заключается в том, что междисциплинарность предполагает сотрудничество дисциплин при сохранении их предметов, а *интегральная дисциплина* – рождение нового предмета и метода, приобретающих собственную системность. Примером аналогии здесь может послужить биохимия, которая не является просто суммой биологии и химии, поскольку изучает химические процессы в живых организмах, формируя таким образом объект, которого не было ни у биологии, ни у химии в чистом виде.

Связь между Общей теорией живого слова (ОТЖС) и частными теориями («теория внутренней формы слова»; «теория звучащей художественной речи», или «теория декламации»; «теория звуковой интонации», «теория ораторской речи», «интерфейсная теория значения» и т.д.) можно уподобить и соотношению Общей теории относительности (ОТО) и Специальной (СТО), поскольку каждая из частных теорий формулирует свои «законы» для «живого слова» в своей системе, но не может описать его поведение при переходе в другую систему, другими словами – действуют в своих «инерциальных системах» – ограниченных дисциплинарных рамках. Например, богословское понимание слова как Логоса или высоко-классическое философское понимание живого слова как эвристического диалога и майевтики не работает и даже извращается в системе ленинской

трактовки «живого слова» как агитационного партийного орудия. Таким образом, как ОТО является обобщающей теорией, которая включает в себя СТО (как частный случай при нулевой гравитации), так, по аналогии, и ОТЖС включает в себя частные теории как частные случаи, не отменяя отдельное богословское, философское, филологическое или педагогическое понимание, а обозначая их границы применимости и место в общей системе.

Примером этой аналогии может быть и актуальность теорий в рамках их частных «систем отсчета»: например, церковная соборность (проповедь) / революционная борьба (агитация). Так, СТО-подобный (частный) подход не может описать их взаимодействие, а лишь констатировать несовместимость и антагонизм, тогда как ОТЖС-подход (аналог ОТО) описывает это противоречие как взаимодействие в искривленном коммуникативном пространстве. Он показывает, что ленинское «живое слово», будучи «массивным» объектом (обладающим большой энергией власти), «искривляет» вокруг себя смысловое поле, поглощая и переинтерпретируя сакральную метафору, лишая её диалогичности и превращая в инструмент монолога, подавляющего сознание и волю оппонентов.

Уже только проектная разработка *Общей теории* оказалась способной выявить частную ограниченность психолингвистической теории интерфейсного значения (А.А. Залевская), в рамках которой не находится места для третьей – *церковнославянской формы*, или *ипостаси слова*, исполненной Духом, поскольку эта теория построена не на религиозной мысли о наличии у слова души (по крайней мере, в контексте русско-церковнославянского двуязычия), а развивает материалистическую идею о соотношении слова с высшими психологическими функциями рефлексивного характера в понятийных рамках современного научно-литературного русского языка. Дальнейшее развитие этого интегрального направления сможет не только компенсировать ограниченность частной интерфейсной теории значения, но и привести к созданию новаторской теоретической модели, или обладающей признаками открытия научной гипотезы, обнаруживающей онтологический пробел и заполняющей его за счет ввода третьей, «соборной» (коллективно-единой) формы живого слова [4], которая не сводится ни к общественному договору («слово в словаре»), ни к индивидуальной психологии («слово в голове»), а представляет собой интересубъективную реальность, объединяющую людей вокруг разделяемых ими ценностей, в частности – в условиях русско-церковнославянского двуязычия – вокруг жизнедательного слова Священного Писания («слово в Псалтыре»). Такой, образно говоря, парадигмальный переход от обозначенной ещё в первом номере «Филологических записок» *дихотомии* общего «внешнего» и частного «внутреннего» к *трихотомии*, учитывающей коллективно-единое «соборное», позволяет объяснить целый пласт культурно-языковых явлений (сакральные языки, авторитетные тексты, идеологический дискурс), ранее не имевших адекватного теоретического описания. В связи с этим переходом меняется и лингвистическая «картина мира»: в условиях диглоссии язык больше не описывается как биполярная система и не исчерпывается диалектикой между *всеобщим, нормативным, объективным* (усредненное для всех) и *единичным, вариативным, субъективным* (уникальное для одного); теперь он предстает как трехуровневое пространство, где живое слово заключает в себе выражение трех форм: нормативной («слово в словаре»), психологической («слово в голове») и аксиологической («слово в Псалтыре»). Этот переход от структурно-функциональной модели языка к ценностно-онтологической может быть рассмотрен как переход от вопроса «Как устроен язык?» к вопросу «Как язык творит и удерживает человеческие миры, объединяя людей не только в коммуникации, но и в ценностном со-бытии?»

Современные цифровые медиумы и искусственный интеллект делают особенно актуальной нормировку/диагностику коммуникативных режимов. Достижения компьютерной лингвистики и технологий ИИ позволяют рассматривать наследие *Школы живого слова* в интегративном ключе. Разработка ОТЖС может заложить основы для создания алгоритмов национального ИИ с целью его защиты от чуждых смыслов, зашитых в импортные алгоритмы, и стать ключевым гуманитарным компонентом технологического суверенитета России. Таким образом, традиции Воронежской педагогической школы обретают новую жизнь в контексте вызовов XXI в.

Литература

1. Автономов Н. Что сделал Измаил Иванович Срезневский для изучения русского языка? // ФЗ, 1912. Вып. 1. С. 87–101; Вып. 2. С. 276–291; Вып. 3. С. 325–339; Вып. 3. С. 537–558.
2. Арх. Амвросий. Живое слово: [Пособие по гомилетике]. Харьков, 1892. 105 с.
3. Барсов А.В. Новый взгляд на преподавание русского языка // ФЗ, 1888. Вып. 1. С. 1–21.
4. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 26–90.
5. Белиловская М. Институт Живого Слова, 1918–1924 гг.: Опыт реконструкции фонда. Дипломная работа студентки V курса д/о. 1997. С. 150. https://www.academia.edu/29607084/Институт_Живого_Слова_1918_1924_гг_Опыт_реконструкции_фонда (Дата посещения. 11.11.2025).
6. Белый А. Магия слов / Символизм. М.: Мусагет, 1910. С. 429–448.
7. Бернштейн С.И. Звучащая поэтическая речь и ее изучение // Поэтика. Т. 1. Л., 1926. С. 41–53.
8. Бранг П. Звучащее слово: заметки по теории и истории декламационного искусства / пер.: М. Сокольская, П. Бранг. М.: Языки славянской культуры, 2010. 301 с.
9. Брендист К. Константин Сюннерберг (Эрберг) и исследование и преподавание живого слова и публичной речи в Петрограде-Ленинграде. 1918-1932 гг. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2003-2004 гг. СПб., 2007. С. 58–71.
10. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1844. 472 с.
11. Виноградов В.В. Пушкин А. С. – основоположник русского литературного языка // Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и языка. М., 1949. Т. VIII. Вып. 3. С. 187–215.
12. Воронежская педагогическая школа: дидактическая реконструкция: коллективная монография / Отв. ред. А.И. Лазарев. Воронеж: Кварта, 2018. 342 с.
13. Ельницкий К.В. Что сказал один старый учитель русского языка: (о преподавании русского языка, теории словесности и о приемах, как научить учащихся исполнять разумно письменные работы) // ФЗ, 1900. Вып. 1/2. С. 1–3.
14. Ермилов В.Е. Живое слово (Памяти Академика Ф.И. Буслаева // Педагогический листок, 1898. Кн. 3. С. 30–39.
15. Залевская А.А. «Живое слово» в классических работах российских языковедов / Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.; Берлин. 2014. 328 с.
16. Залевская А.А. «Живое слово» и интерфейсная теория значения // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология», 2013. №24. Вып. 5. С. 54–61.
17. Записки Института живого слова. Петроград, 1919. С. 4.
18. Золотухин В. Институт живого слова: сквозь кризис междисциплинарного эксперимента к новой дисциплине // Голос и воск. Звучащая художественная речь в России в 1900–1930-е годы. Поэзия, звукозапись, перформанс. М., 2024. 256 с.
19. Известия АПН РСФСР. Из истории методики русского языка в начальной школе. М., 1950. Вып. 27. 204 с.
20. Каптерев П.Ф. Эвристическая форма обучения в народной школе, в Сб.: М.: «Издательский дом Шалвы Амонашвили», 2001 г. С. 37–38; 40–41.
21. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. СПб.: Товарищество «Знание», 1907. 351 с.
22. Лазарев А.И. Метафора «живое слово» в лингвофилософском и богословском контексте: исследование фрагментов текстов в Google Books Ngram Viewer // Журнал философских исследований, 2024. Том 10. № 1. С. 40–62.
23. Ленин В.И. Что делать? // ПСС. 5-е изд. М., 1967. Т. 6. С. 66–67.
24. Мальшев В.Б. Фундаментальные метафоры в метаязыке новоевропейской культуры // Докторская диссертация. СПб., 2013. 379 с.
25. Минералов Ю. Теория словесности А.А. Потебни // Вопросы литературы, 1990. №12. С. 332–344.
26. Петренко Д.И. Лингвистический витализм метапоэтики К.И. Чуковского / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 482 с.

27. Петрова Т.Г. О христианских основах русской литературы (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, №. 3, 2018. С 62–69.
28. Платон. Федр / Творения Велемудраго Платона // Пер. Сидоровский И., Пахомов. М., СПб., Императорская академия наук, 1783. Ч.2. С. 224.
29. Половцов В.А. Три направления в теории родного языка // ФЗ, 1860. Вып. 1. С. 19–35.
30. Попова З.Д. Публикации по общему языкознанию на страницах «Филологических записок» // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963. С. 171–176.
31. Студенецкий В. Отношение слова к мысли // ФЗ, 1861. Вып. 4. С. 214–218.
32. Флёров А.П. Мнения преподавателей о методике русского языка Барсова: «Живое слово» для изучения родного языка // ФЗ, 1893. Вып. 5/6. С. 23–26.
33. Ужанков А.Н. Древнерусская словесность в мировом контексте // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 43–71.
34. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск, 1997. 576 с.
35. Хованский А.А. Живое слово и живые факты // ФЗ, 1899. Вып. I. С. 1–8.
36. Хованский А.А. Мысли о преподавании русского языка // ФЗ, 1860. Вып. 1. С. 142–153.
37. Хованский А.А. Чествование пятидесятилетия служения академика и заслуженного профессора, почетного члена разных университетов и ученых обществ Федора Ивановича Буслаева // ФЗ, 1888. Вып. 6. С. 1–26.
38. Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
39. Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка / Четыре речи о Ф.И. Буслаеве. СПб., 1898. С. 7–16.
40. Шереметевский В.П. Слово в защиту живого слова в связи с вопросом об объяснительном чтении. М., 1886. 115 с.
41. Шереметевский В.П. Начатки науки о родном языке: Опыт программы первой ступени обучения // ФЗ, 1881. Вып. 4/5. С. 1–24.
42. Brandist, K. «Palavra viva», Isegoria e a política da deliberação na Rússia revolucionária // Revista Conexão Letras v. 11, n. 16 (2016): 15–22.

Примечания

* Публикуемая статья составлена по материалам доклада к XXIX Международной научно-практической конференции «Традиции и новации риторического образования в школе и вузе» (Институт русского языка им. А.С. Пушкина; МПГУ, 13 февраля 2026 г.).